

МОГУЧАЯ СТОЙКОСТЬ ДУШИ

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ ММК

Приглашение к разговору

Как бы ни жил человек — горел ли ярким пламенем, тлел ли в полудреме, годы немолимо уходят. Когда же их остается на самом доньшке, откуда-то обязательно всплывает вопрос: «Как же ты, мил человек, использовал отпущенное Богом? Не прозевал ли тот самый миг, который и называется жизнью...»

Магнитка приближается к своему семидесятилетию. Этому событию посвящаются литературные труды, готовится энциклопедия города, пишутся рассказы о знатных магнитогорцах. Почетный гражданин Магнитогорска Николай Георгиевич Цыкунов — один из них.

Н. Г. Цыкунов более двадцати лет верой и правдой служил на посту заместителя директора металлургического комбината по коммунальному хозяйству. До недавних пор УКХ было крупнейшим подразделением ММК, работающим и во благо всего города. Его цехи обеспечивали быт металлургов и горожан: снабжали завод и город водой и теплом, содержали трамвай и жильё, базы отдыха и детские учреждения. Столь разностороннее хозяйство не могло не подвергаться критике, нападкам и нареканиям. Шесть предшественников Цыкунова так и не доработали до пенсии — были сняты за различные упущения. Николай Георгиевич, напротив, долго не отпущал на заслуженный отдых. Что же, он — мудрее, хитрее, уживчивее других? Об этом его бывшие сослуживцы отзываются так:

— Всего в нем поровну: компетентности и исполнительности, интеллигентности и выдержки.

— Не терпел двух вещей: авралов и суеты в работе.

— За кресло не держался, но и умел постоять за себя, совестлив и чист душой.

Сегодня Николаю Георгиевичу Цыкунову исполняется 85 лет — отличный повод, чтобы пристальней взглянуть на жизнь этого незаурядного человека.

«Графское» воспитание

Моего героя знаю давно, хотя вот так — с глазу на глаз — встречаться не доводилось. Первое впечатление: на свои семьдесят пять «не тянет». Держится прямо, подтянут и бодр. Из-под широких кустистых характерных «цыкуновских» бровей — острый, с едва уловимой хитринкой взгляд. Явный признак доброго человеческого дара — юмора.

Когда сына Анатолия Николаевича Цыкунова назначили заместителем директора ММК, в народе поговаривали: мол, без отцовских связей не обошлось. Были и такие слухи: «Говорят, отец — графского происхождения. Знает, как сына в люди вывести». Наш разговор и начался с происхождения старшего Цыкунова.

— К графскому роду-племени имею самое прямое отношение, — не стал тот отри-

цать. Только хитринки в глазах забегали еще веселее. — Поселок наш пристанционный, что в шестидесяти верстах от Брянска, когда-то основал граф Олсуфьев.

В старинном роде Цыкуновых Николай был... сорок третьим ребенком. В родительском доме жили девять братьев. Когда стали обзаводиться семьями, стало особенно тесно. Избы принялись ставить вплотную к родному дому.

Учился маленький Цыкунов на редкость хорошо. Мать с отцом были малограмотные, братья в учебе звезд с неба не хватало. В кого бы это? Может, тайная мечта подстегивала? На станционных служащих, раздетых в темно-синие форменные костюмы с петлицами, смотрел с замиранием сердца. Считал их самыми образованными и интеллигентными людьми. Как-то поделился с поселковыми ребятами заветной мечтой — выучиться на железнодорожного начальника.

— Что ты, Николаша, — замахали они руками, — это как же учиться надо — на одни пятерки!

С той поры и начал Николай настойчиво прорубать себе дорогу к брезжущей вдали цели.

К окончанию семилетки Николай Цыкунов имел блистательную характеристику: отличник учебы, активный комсомолец, председатель учкома. Большое влияние на парня оказал старый учитель Лисицын — умница, эрудит, знающий несколько языков. Перед выпускным вечером отозвал он Николая в сторону:

— В душе твоей Божья искорка светится. Я давно это высмотрел. Не дай ей угаснуть, учишься дальше, вгрызайся в науку глубже.

Наказ любимого учителя довел желание парня получить образование до фанатизма. После школы, не мешкая, написал дальним родственникам в Ленинград. Скоро пришел ответ: «Есть при институте рабфак. Поступишь — считай, что одной ногой уже в храме науки».

А пока летом Николай стал работать в районной библиотеке, чтобы скопить денег на дорогу. Деятельность развернул бурную: объездил с книгами все избы-читальни. Доклаживал начальству о необходимых ремонтах, требовал новую литературу. Энергия парня не пропала даром — его заметили и осенью на конференции избрали секретарем райкома комсомола. Это путало все планы. Николай взял самоотвод, бурно протестовал — бесполезно! «Отработай годик, потом отпросишься, — увещевали верные товарищи. — Зачем себе характеристику портить?»

Через год Цыкунов пошел с заявлением к секретарю райкома партии. Тот возмутился:

— Мы тебя приняли кандидатом в члены партии. Что там в уставе сказано о личном и общественном, помнишь?

Не подписал заявление. И Николай решил на авантюру: попросил знакомую девушку-секретаря поставить на учетной карточке штампель «снят с учета». Самовольно оставив работу, на другой день тайно уехал в северную столицу. Родителям на прощанье сказал:

— Писем не ждите. Случится что, родичи сообщат.

Взлеты и падения

Ленинград встретил парня без фанфар. Родные жили на дальней окраине в крохотной комнатке с печным отоплением. Гости приняли без особой радости. Николай долго бродил по городу в поисках работы, но безрезультатно. Наконец устроился на завод «Двигатель» черноработчим, зато выделили место в заводском общежитии. Все было ладно, но уж больно зарплата плевая. В дни получек молодой рабочий устраивал себе праздники: покупал городскую булку «халу» и банку консервов «бычки в томате». Усаживался на скамейке в густых зарослях кустов и пировал. А перед глазами стояла увиденная где-то картина: «Завтрак аристократа»...

В тридцать втором Николай поступил на рабфак при Ленинградском институте инже-

неров железнодорожного транспорта имени Рудзутака. Через год стал студентом строительного факультета. Учился старательно, не заметил, как два курса остались позади. Но все это время словно домоклов меч висела над головой вина за самовольный уход из райкома комсомола.

Перед каникулами вырядили студентов в новенькие костюмы железнодорожников. Посмотрел Николай на себя в зеркало и метнулась в его голове шальная мысль: «Эх, катануть бы сейчас в Олсуфьево. Там, поди, думают — пропал бесследно Николаша-мечтатель». Уговорил друга составить компанию, и покатили они на Брянщину.

На односельчан друзья-студенты произвели потрясающее впечатление. Отец вел себя сдержанно, но было видно, что гордится сыном. А мать постоянно ронила слезы — от счастья ведь тоже плачут.

Когда Николаю вернулся и едва заступил на учебу, свершилось то, чего он всегда опасался. 22 сентября тридцать пятого года студент третьего курса ЛИИЖТ Николай Цыкунов был арестован...

По лагерям и тюрьмам

«Воронок» скрипнул тормозами у политической тюрьмы «Шпалерка». В камере подследственных — много известных в Ленинграде людей: профессор ЛГУ Аксенов, генерал Орлов, завкафедрой марксизма-ленинизма института инженеров железнодорожного транспорта Родзинский, митрополит Петербургской епархии. Священнослужитель научил новичка играть в шахматы, вылепленные из хлебного мякиша. Он же преподнес ему и основы тюремной науки.

— В общей камере будет тебя, чадо, всякая нечисть на стойкость испытывать. Поддашься — пропадешь. Хоть Господь и завещал терпение, ты, помолвившись, не спускай обидчикам.

Через две недели вызвали Николая в спецколлегия линейного суда, известного народу как «тройка». Без суда зачитали приговор: «За обман партии — три года лишения свободы».

В общей камере народу битком, духота, нары в два яруса. Не то чтобы лечь — сесть некуда. Пока новичок оглядывался, к нему подкатил мужичок на кривеньких ножках. Подергивая усиками-шнурочками, стал бесцеремонно ощупывать форменный китель Цыкунова: «Не жмет?» А цепкие жилистые пальцы уже ловорно расстегивали пуговицы. Николай, помня наставления святого отца, что есть силы хрюнул кривоножку в скулу. Тот так и закатился под нары. «Сейчас бит будут», — подумал парень. Так и продремал до утра на корточках, вжавшись в угол. К его изумлению, наутро кривоножка без тени обиды предложил Николаю место на нарах рядом с собой.

Четыре тюрьмы и пять лагерей прошел за время отсидки Цыкунов. Последний год отбывал в Уссурийском крае, неподалеку от городка Иман. В тридцать седьмом с группой заключенных был переброшен на строительство дороги Хабаровск-Владивосток. Трасса простиралась по лесам и сопкам, через болота и топи. Тут и пригодился институтские знания: до самого освобождения Николай работал геодезистом.

В начале тридцать восьмого его освободили. Лагерное начальство предложило грамотному парню должность дорожного мастера. Как-то пригласил к себе в гости вольнонаемный Григорий Супрун, с которым Николай сдружился. На вечере познакомился с черноволосяй красавицей Анной Усовой — счетоводом одной из городских контор. Оказалось, девушка многое знала о Цыкунове — постарался, видно, друг. Вскоре они стали мужем и женой.

Для официального оформления на работу требовалось разрешения НКВД. Николая послали в управление «Дальлагерь». Капитан Никитин жестко изрек: «Поскорее убирайся за пределы Уссурийского края». Ответ потряс молодых. Уволившись, Цыкунов стал думать, куда податься. Вспомнил, что его друг Алексей Платонов, освободившийся раньше, при прощании звал в Магнитогорск.

Магнитка стала родиной

На неведомый Урал Цыкунов ехал один. С женой был уговор: уладит дела с пропиской и работой — пришлет вызов. По дороге заехал в Москву. В Наркомате путей сообщения записался на прием к Кагановичу —

хотелось договориться о продолжении учебы в институте. Какой-то клерк, просматривая его бумаги, буркнул: «Какая учеба, вам надо день и ночь работать, чтобы вину свою загладить». Посетив родительский дом, Николай взял курс на Магнитку.

На новом месте разыскал друга, тот помог поселиться в Старой Магнитке у родителей своей жены. С пропиской власти муржили два месяца, наконец все уладилось, и в далекий Уссурийск полетела телеграмма-вызов.

Трудовую карьеру Николай Цыкунов начал с должности десятника ремонтно-строительного цеха УКХ. К приезду жены был уже прорабом. Молодая семья поселилась в махонькой барачной комнатке, где в октябре тридцать восьмого появились их первенец Толя. Николай поступил в Уральский политехнический и к началу войны закончил два курса. Но учебу вновь пришлось прервать — война заставила людей работать день и ночь. И только уже после войны Николаю Георгиевичу удалось закончить индустриальный техникум.

В 1947 году Цыкунова назначили начальником ремонтно-строительного цеха УКХ. В подчинении — более тысячи человек. После сурового военного времени народ расслабился, появились сбои в работе, нарушения дисциплины. Вместе с секретарем партбюро и председателем цехкома стали думать, как поднять моральный настрой коллектива. Решили спуску нарушителям не давать. Среди наказанных были и мастера-коммунисты. В горком партии и партком посыпались жалобы: мол, начальник цеха — беспартийный и бывший заключенный, мстит нам за принадлежность к партии Ленина. Начались комиссии, разбирательства, нервы трепки. На городской партконференции старый коммунист Иванова поставила вопрос ребром: «До каких пор бывший заключенный будет руководить людьми и позорить членов партии?» Цыкунов написал заявление на имя директора Борисова с просьбой освободить его от должности. Александр Филиппович не подмахнул бездумно заявление, а, вызвав, попросил рассказать о себе. Он был потрясен услышанным. На прощанье сказал: «Мы вашей работой довольны. Идите, трудитесь дальше». По сути, Борисов отсек от Николая Георгиевича тень лагерника, которая более десяти лет следовала по пятам. А дисциплина в цехе все же стала выравниваться...

В 1961 году Н. Г. Цыкунова назначили заместителем директора комбината по коммунальному хозяйству, кем он и проработал более двадцати лет. Довелось быть заместителем пяти директоров, но ни одному из них слепо не прислуживал. В партию вступил, будучи начальником цеха.

— Вызывает как-то меня Филатов, — вспоминает Цыкунов. — Вижу, перед ним статистика по распределению жилья. «Как же так, — возмущается директор, — мы — основные заказчики, а металлурги на душу населения имеют меньше жилья, чем горожане. Я подготовил приказ: если члены семьи металлурга не работники комбината — на них ни метра». Я возразил: «У сталева-ра, к примеру, жена педагог, учит наших детей. Как можно ее исключать из списка? Резонанс будет не в нашу пользу». И отказался поставить свою подпись под приказом.

Приказ все же вышел. Его правомочность стала оспаривать пресса — от местной до центральной. Директор вновь пригласил Цыкунова. «Извини меня за твердолобость, Николай Георгиевич. Ты оказался прав». На счету коммунальной службы во времена руководства Н. Г. Цыкунова немало добрых дел. При поддержке директоров коммунальщики занимались строительством теплиц для выращивания к столу металлургов свежих овощей, улучшением производственного быта, обеспечением отдыха трудящихся и их семей, решали вопрос жилья и детских дошкольных учреждений...

За плечами Николая Георгиевича Цыкунова долгая жизнь и дела, за которые не приходится краснеть. У юбиляра много заслуженных наград. Но самый дорогой подарок судьбы, считает он, — семья. Дети — его гордость. Сын Анатолий — известная на комбинате личность: начальник рудника, начальник ГОПа, зам. директора ММК. Дочь Галина — кандидат технических наук, с блеском отработала в одном из НИИ Свердловска. А внуки и правнуки — радость и успокоение души на склоне лет. В них род Цыкуновых еще долго будет продолжаться.

М. ГОРШКОВ.